

СТАРЫЕ СЛОВА

СТЕРВЕНЕНИЕ — некрасиво. В особенности когда за ним расчет на одобрение толпы.

Всепоспевающий, многопечатающий журналист Александр Минкин в еженедельнике «Столица» (№ 13) написал большую статью о министре культуры СССР Николае Губенко.

Настойчивость, вера в себя, даже восхищение собой, способность проникать всюду, всюду присутствовать — качество для журналиста полезное, как и способность быстро становиться «всеми» близким знакомым.

Многим, например, и в голову бы не пришло: после митинга 25 февраля 1990 года (того самого, которым столь успешно запугала нас власть), «свернуть с Арбата» (как написано в статье), запросто зайти в рабочий кабинет министра и пуститься в «хороший разговор» — искренний, взволнованный, озабоченный судьбами отечественной культуры.

Так же как мне и многим моим друзьям и в голову не пришло «возликовать по поводу назначения на министерский пост «актера». Здесь какое-то другое умение надобно, а не только быть «нашим», как сказано у Минкина. Удручает обилие дилетантов-гуманитариев в сегодняшней сложной политике, так же как и отсутствие, несоздание за 6 лет перестройки, культурных работников в сфере административной. Тем более что о «наших» и «не наших» все сказано Федором Михайловичем Достоевским в «Бесах».

Сказанное отнюдь не означает, что о министрах писать нельзя. Напротив — можно и нужно, тем более что на высоком посту Губенко многих удивил и разочаровал. Страстью к коллективным посланиям в более чем странной компании «не единомышленников». И публичной тоской по порядку, по сильной руке; воззваниями к власти, столь сильно скомпрометированной.

Но я не о том, что написал Минкин,

а о том, как написал. Ибо форма небезразлична к смыслу, способна исказить его и привести вольно или невольно к неожиданным результатам.

Минкин пишет о Николае Губенко с крайней грубостью. «Изящно» обыгрывает слово «член» (Президентского Совета). В полном буквенном воспроизведении дает матерное обозначение продажной женщины. Наполняет текст всевозможными «сбавать», «задушить», «холуй», «сволочь», «пешка». Интонацией фамильярной и ернической, составом лексики все более походя на ту самую прибалтийскую песню «Нинка», два куплета которой в статье приведены и исполнение которой в спектакле «Памяти Владимира Высоцкого» автор ставит в особую заслугу министру-актеру. Что ж — вольному воля. И если стиль — это человек, то, создавая портрет Губенко, Минкин одновременно ваяет и свой собственный. Текст проникает.

«Фотка» на память

Опасно писать, что Луначарский был «мелким журналистом». Писал нарком лучше многих сегодняшних критиков. Опасно столь злобно окариатуривать внешность оппонента. Собственная наружность может оказаться еще более пригодной для пародии.

Но создает ощущение морального дискомфорта, безглагольности даже не грубость.

Не раз на протяжении статьи дает нам автор понять, что они с министром хорошие знакомые. Так просто в высокий кабинет на душевную беседу не зайдешь.

Итак — они беседуют. Почти приятели? В тот самый день, когда министр уже «подписал», к властям по поводу митинга присоединился, сотрудников на Зубовскую площадь не пустил. Журналист, однако, не гневается. Приберегает гнев на будущее? И, пребывая почти в гостях, «присматривается», «замечает» — что у министра на стенах, на столе.

Там-то, на столе, и увидел автор «фотку» в рамке — Горбачева и Горбачевой.

И когда сказал себе: «пора!» — «фотка» сработала, как бомба, вызвав столько же авторского негодования, сколько «кровавое воскресенье» в Вильнюсе.

Кажется, это мы уже проходили... Нам уже подсказывали, что ставить на стол, что снимать со стен, чем наполнять душу и голову. А если Губенко хочет фотографии Горбачева с женой?..

То что?

Минкину все ясно про Ленина. А половине страны — совсем не ясно. «Умным людям», от имени которых разговаривает автор, нужно много и терпеливо работать, просвещать, убеждать.

Консерватора — неуча и хама мы уже имели в дальнем и ближнем историческом прошлом. В нынешние времена не приходит ли «шариковщина» в интеллигентную и околосинтектную среду. И разве хам-радикал лучше хама-ортодокса?

Минкин нашел новый объект для сарказма — возродившееся «Дворянское собрание» Москвы, людей в большинстве своем немолодых, много страдавших, а главное, с привлекательной гуманистической программой.

Какую жесткую хватку ощущаешь! «Перевертыши» постарше сочиняют себе новые биографии. Молодые Верховенские настойчиво напоминают о нетленных подвигах и заслугах. Минкин — о статье на запрещенный спектакль Таганки, опубликованной в Венгрии; о фельетоне на азиатского министра-взяточника-платигатора. Правда, министра республиканского масштаба, ибо времена были построже теперешних. И ни беспокойства, ни тревоги о соблюдении достоинства — журналиста, литератора.

Вера МАКСИМОВА.